

писанное ею, попало въ руки неизвѣстнаго доносчика, этого Византиновы сказать не могли...

Чѣмъ старательнѣе производили полковникъ съ предводителемъ дознаніе, тѣмъ тверже убѣждались въ томъ, что на почтенное семейство Византиновыхъ взведено небывалое преступленіе. Незвѣстный сочинитель доноса назвалъ себя товарищемъ драгунскаго офицера и зналъ расположеніе комнатъ въ домѣ Византиновой. Драгневичъ и предводитель занялись раскрытіемъ этого обстоятельства. По розысканіямъ ихъ на мѣстѣ и по свѣдѣніямъ и справкамъ становаго пристава, выяснилось, что въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ не только не посѣщали домъ Византиновыхъ, кто либо изъ подозрительныхъ людей; но даже въ теченіе этого времени не было въ немъ ни драгунскихъ, ни другого оружія, офицеровъ. Сами же Византиновы, вслѣдствіе преклонности лѣтъ и слабости здоровья, давно уже прекратили всѣ знакомства съ посторонними лицами и ограничили кругъ своихъ отношеній только близкими родственниками, живущими не вдалекѣ отъ ихъ имѣнія. Что же касается Мѣдкиной, то она, какъ обнаружилось, ведетъ себя совершенно соотвѣтственно съ образомъ жизни ея бывшей воспитательницы.

Жандармскій полковникъ сдѣлалъ еще кое-какіе разспросы и разслѣдованія и уѣхалъ изъ Абриколевой вполне убѣжденный въ томъ, что анонимный доносчикъ солгалъ и оклеветалъ неповинныхъ. Обоянскій предводитель, какъ видно изъ записки его губернскому предводителю, былъ очень радъ, что обвиненіе, направленное на благородное дворянское семейство, ни въ чемъ не подтвердилось. Долго ли было какому нибудь негодяю настроить ужасный доносъ и сдать его въ формѣ письма въ обоянскую почтовую контору, а, между тѣмъ, въ слѣдствіе этого, вопросъ о революціонномъ сообществѣ въ Обоянскомъ уѣздѣ заинтересовалъ высшія сферы Петербурга. О доносѣ на семейство Византиновыхъ узнали: министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Бенкендорфъ, III Отдѣленіе... Зная, что доносчикъ послалъ свой извѣтъ также шефу-жандармовъ, корпусный командиръ, генераль-адъютантъ Потаповъ, поспѣшилъ представить рапортъ военному министру объ обоянскомъ доносѣ, который косвеннымъ образомъ запачкалъ и офицеровъ драгунскаго полка. Такъ какъ императоръ Николай Павловичъ еще прежде повелѣлъ о политическихъ преступленіяхъ, въ которыхъ такъ или иначе будутъ замѣшаны военные чины, увѣдомлять его, то объ обоянскомъ дѣлѣ графъ Бенкендорфъ и министры военный и внутреннихъ дѣлъ доложили тосударю... Доносу было придано значеніе. Генераль Потаповъ послалъ въ драгунскій полкъ ревизора и требовалъ, чтобы командиръ полка доставилъ ему самыя вѣрныя и подробныя свѣдѣнія о духѣ и настроеніи военныхъ.

Не смотря на то, что на бумагахъ, которыми обмѣнивались по